

кой Отечественной войны. Свердловск, 1990; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики. 1941–1950 гг. Екатеринбург, 1993; Трифонов А.Н. Продовольственное положение на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны. (1938 – 1945 гг.). Екатеринбург, 1993; Он же. Кузница и щит России // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 343–348; *Он же*. Вклад трудящихся Урала в создание фонда обороны и вооружения Красной Армии (1941–1943 гг.) // Средний Урал в первый период Великой Отечественной войны: вклад в подготовку коренного перелома. Екатеринбург, 2002. С. 60–70; Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995; Она же. Трудармия на Урале в период Великой Отечественной войны // Вестник ЧелГАУ. 1998. Т. 27; Сперанский А.В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Екатеринбург, 1996. Он же. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны: достижения и противоречия // Проблемы экономической истории Урала. Екатеринбург, 2006. С. 299–327; Потемкина М.Н. Эвакуация годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002; и др.

Захаровский Л.В.
(Екатеринбург)

Начальное профессиональное образование среди детей-спецпереселенцев в Уральской области (начало 1930-х годов)

Масштаб уральской спецсылки определяет несомненную актуальность изучения специфики, форм и методов начального профессионального образования среди молодежной части её контингента. Только за 1930–31 гг. в “кулацкую ссылку” на Урал было отправлено 26854 семьи (1), уже на 1 октября 1930 г. в составе ссыльных находилось свыше 53,5 тысяч детей (2).

В соответствии с директивами правительства и Уралоблисполкома вся ответственность за состояние спецпереселенцев, в том числе их “хозяйственное использование” и культурно-бытовое обслуживание, возлагалась на Комендантский отдел под руководством ПП ОГПУ по Уралу. Оторванные от привычного жизненного уклада, находясь в крайне сложных бытовых и материальных условиях, спецпереселенцы тяжело приспосабливались к новой обстановке. Опыт их “хозяйственного использования” показал, что для эффективной работы раскулаченных в промышленности необходимы меры по переподготовке взрослых и обучению молодежи.

Раньше всего это осознали руководители хозяйственных организаций, непосредственно использовавших труд спецпереселенцев. В частности, управляющий Уралгосрыбтрестом Новиков в докладной записке начальнику областного Комендантского отдела от 2 марта 1931 года отмечал: “...подавляющее большинство переселенцев хлебопашцы, с ловом рыбы

незнакомы... переселенцы все время надеялись на возвращение к старым очагам и поэтому не поддавались учебе наводному делу” (3).

В то же время, хозорганизации пытались возложить затраты на развитие сети школ и ФЗУ для детей спецпереселенцев на самих ссыльных (из заработка которых удерживались 25% на культурно-бытовое обслуживание) и Уральский отдел народного образования, указывая на огромные расходы по строительству жилья для спецконтингента. Дискуссии между вовлеченными инстанциями замедляли процесс развития этого особого сегмента начального профобразования, но не могли остановить его.

Помимо самих переселенцев и хозорганизаций, важнейшей заинтересованной стороной в данном случае являлись органы власти, видевшие в профобразовании прежде всего наиболее эффективную форму пропаганды нового образа жизни, отказа от старых традиций, отрыва молодежи от неблагонадежных взрослых. В постановлении Уралобкома ВКП(б) в отношении спецпереселенцев прямо ставилась задача “их расслоения с противопоставлением, где это возможно, отдельных элементов молодежи остальной части кулачества...” (4). В этих условиях школы и учреждения начального профобразования становились одним из важнейших элементов системы трудового перевоспитания представителей “эксплуататорских классов”.

Не случайно, что именно в начале 1930-х власть уделяла развитию НПО пристальное внимание – только за 1931 г. Уралобком партии трижды рассматривал вопрос о школах ФЗУ. При этом совершенствование учебных планов и программ подразумевало в том числе и повышение уровня идейно-политического воспитания учащихся. Ключевая роль здесь придавалась изучению учащимися курса обществоведения и, особенно, советского периода истории страны. Кроме этого, большая часть учащихся были охвачены различными политическими кружками.

Таким образом, совпадение идеологических и экономических интересов органов власти и хозорганизаций предопределяло их искреннюю заинтересованность в развитии начального профобразования среди молодых спецпереселенцев – сети школ крестьянской молодежи (ШКМ), фабрично-заводских училищ (ФЗУ), дозаводского ученичества, являвшегося подготовительной ступенью для школ ФЗУ, школ ученичества массовой профессии (ШУМП), которые были отнесены к типу школ ФЗУ, курсов квалификации и т.д. И если в 1929 г. контингент школ ФЗУ на Урале составлял 13351 чел., то в 1931 г. - уже 69285 чел. (5).

Советская историография объясняла стремительный рост учащихся в школах ФЗУ и типа ФЗУ лишь остротой проблемы кадров: “Это решение [решение X-й областной партийной Конференции одобрить увеличение числа обучающихся в школах ФЗУ в 1930/31 учебном году на 3 тыс. человек – авт.] было вызвано тем, что с 1929 г. на предприятиях и стройках Урала особую остроту приобрела проблема кадров. Летом 1930 г. на 23 важнейших

объектах Урала (Магнитострой, Уралмашстрой...) общая потребность в рабочей силе составляла 153 тыс. человек, а фактически имелось 95 тысяч” (6). Не дискутируя с данным выводом, следует отметить, что на строительстве того же Магнитогорского комбината использовался труд многих тысяч спецпереселенцев и, значит, острота кадровой проблемы во многом определялась необходимостью их переобучения и “перевоспитания”.

Специфика НПО среди спецпереселенцев определяет особую историческую ценность материалов ОГПУ, характеризующих состояние спецссылки Урала. Их изучение показывает, что наиболее быстрое развитие профобразования происходило там, где вид “хозяйственного использования” переселенцев требовал специальных навыков и знаний, стимулируя руководство хозорганов прилагать усилия для создания учреждений НПО. В этом смысле специфика медеплавильной или рыбной отрасли существенно больше благоприятствовала развитию профобразования, нежели требовавшая на тогдашнем уровне технологического развития лишь приложения физического труда валка леса. Поэтому уже в 1932-33гг. спецпереселенческая молодежь в Карабаше (медеплавильный завод – 13 чел.) (7), Обдорске (рыбный промысел – 40 чел.) (8), Ивделе (трест Союззолото – 47 чел.) (9), обучалась в школах ФЗУ, в то время как в Ныробском районе (лесная промышленность) дети спецпереселенцев не могли посещать даже начальную школу. Всего же, на 1 марта 1932 года, показатели НПО среди спецпереселенцев выглядели так: ШКМ -304 чел., Дозавуч – 145 чел., ФЗУ – 206 чел., ШУМП – 192 чел., Курсы квалификации – 270 чел.

Эти обстоятельства имели далеко не второстепенное значение. Формировавшаяся сеть учреждений начального профессионального образования не только обеспечивала экономические и идеологические интересы государственной власти, но и создавала важнейшие предпосылки для реинтеграции переселенческой молодежи в советское общество через приобретение новой профессии и возможности дальнейшего повышения образовательного и профессионального уровня. Уже в 1935 году будет продекларировано восстановление права детей спецпереселенцев поступать в техникумы и ВУЗы на общих основаниях. При всех сохранявшихся на деле препонах и ограничениях, именно те тысячи молодых спецпереселенцев, которые в ссылке прошли обучение в учреждениях НПО, получили наибольшие возможности занять в пережившем сталинский вариант модернизации советском обществе, достойное место.

1. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-36гг.). Сб. документов. Екатеринбург, 1993. С.11.
2. ГАСО. Ф.Р.-88. Оп.21. Д.51. Л.173.
3. ГАТО. Ф.1785. Оп.5. Д.45. Л.12.
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.54. Л.106.
5. Уральское хозяйство в цифрах 1931-1932 гг. Свердловск, 1933. С.128.

6. Милостная Л.И. Деятельность партийных организаций Урала по развитию профессионально-технического образования в 1928-1932 годах // Деятельность партийных организаций Урала и Западной Сибири по развитию народного образования и культуры. Свердловск, 1978. С.23.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.11. Д.198. Л.83.
8. ГАТО. Ф.1785. Оп.5. Д. 96а. Л.2.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.8. Д.109. Л.44об.

Ильиных И.В.
(Нижний Тагил)

**Ритуалы «политического послушания»:
чистки советского аппарата на Урале на рубеже 1920-1930-х гг.**

На рубеже 1920-1930-х гг. партийно-государственное руководство страны для установления политического контроля над населением, наряду с организацией обязательных ритуалов «политического послушания» (участия в митингах, демонстрациях, отчетно-выборных собраниях, разучивания официального властного языка, усвоения необходимого минимума идеологической литературы) активно использовало и альтернативно-этические формы, выявляющие степень лояльности гражданина властям. Одним из наиболее распространенных ритуалов «со - участия» являлись чистки советского и партийного аппарата, связанные с «внедрением» в политический дискурс методов «идеологической критики» и самокритики.

Официальной мотивацией проводимых кампаний по чистке являлось стремление задать производственному коллективу или его отдельному представителю импульс для дальнейшего роста, акцентировав через призму общественного мнения внимание на их профессиональных, личностных, идейных недостатках. Руководство страны, в стремлении формировать принципиально иную генерацию «строителей социализма», настаивало на том, что способность критиковать себя – неотъемлемая черта «нового человека».

Согласно «Обращению ЦК ВКП(б) ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики» от 2 июня 1928 г., опубликованному в «Правде», кампании по чистке одновременно развивались на «советском, профсоюзном и партийном фронтах» (1). Партийно-государственное руководство, акцентируя внимание на негативных моментах в реализации социально-политического курса развития страны («бюрократизме государственного аппарата; его громоздкости, косности, волоките; сохранении остатков чиновничьего аппарата; недостаточно быстром втягивании населения в действительное управление государством и хозяйством») провозглашало основные цели проведения кампании, к которым относились: «вскрытие» и исправление недостатков и ошибок в партийной и советской работе, усиление